

Литур - 1993 - 30 авг - с 2

«...КАК ОН ДЫШИТ, ТАК И ПИШЕТ, НЕ СТАРАЯСЬ УГОДИТЬ...»

Разговор с поэтом о КГБ

ДОКУМЕНТ ПЕРВЫЙ — ГАСТРОЛЬНАЯ ПОЕЗДКА

15 февраля 1967 г. ЦК КПСС Отдел культуры

О гастрольных выступлениях поэтов Б. Окуджавы, М. Соболя и других в г. Ульяновске.

Ульяновский обком КПСС доводит до сведения ЦК КПСС, что Всесоюзным бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей СССР в январе т. г. в Ульяновск была направлена группа поэтов в составе: Окуджавы Б. Ш., Соболя М. А., Храмов Е. Л., Николаев А. М. ...

В целом содержание концерта, который состоялся 29 января, у многих слушателей вызвало чувство возмущения и негодования, о чем в своих письмах в обком КПСС сообщают многие присутствовавшие на концерте.

Особенно вызывающе вел себя Б. Окуджава, который своим поведением старался показать, что он личность необыкновенная и даже В. Маяковский — не чета ему.

Так, в одной из реплик он заявил, что стихи по заказу не пишутся, это не ширпотреб и

писать о всякой целине и прочем он не станет. Тогда в ответ на эту реплику из зала пришла записка, в которой говорилось, что даже Маяковский писал стихи для рекламы советской торговли. На это Окуджава ответил, что он-де не Маяковский и Маяковского не следует обожествлять.

В одном из ответов на записку из зала он заявил, что книгу «Доктор Живаго» Пастернака он бы издал у нас в СССР, что в ней ничего такого нет; что он не согласен с тем, что Даниэля и Синяевского привлекли к уголовной ответственности, поэтому подписался под письмом в ЦК КПСС «вместе с другими видными деятелями литературы и искусства», где был выражен протест против их ареста. Но ни словом не осудил их поступка.

И далее. Он сказал, что самодельные песни под гитару, получившие сейчас такое широкое распространение среди молодежи, часто «блатного», нецензурного содержания, он одобряет и, как он выразился, с ними, кажется, уже примирились строгие критики. Все выступление Б. Окуджавы носило скандальный характер.

Слушатели концертов в своих отзывах пишут, что подоб-

ные выступления явно не служат делу коммунистического воспитания молодежи.

Секретарь обкома КПСС А. СКОЧИЛОВ.

СПРАВКА

С т. Окуджавой состоялась беседа в Отделе культуры ЦК КПСС. Поэт признал ошибочность некоторых своих ответов на записки в г. Ульяновске.

Как сообщил секретарь правления ЦК РСФСР т. Ильин, поведение Б. Окуджавы будет осуждено на парткоме Московской писательской организации.

Ульяновскому обкому КПСС (т. Скочилову) об этом сообщено.

Зам. зав. Отделом культуры ЦК КПСС Ю. МЕЛЕНТЬЕВ.

Зав. сектором Отдела А. БЕЛЯЕВ.

3 апреля 1967 г.

Булат ОКУДЖАВА. По тем временам мы в Ульяновске «остро» выступали. Сейчас это даже смешно, но тогда казалось, что смело. Ну допустим, сказал я, что советская власть — не идеальна, у нее тоже бывают ошибки. Как это так не идеальна, как же ошибки? Что он имеет в виду?

Или песни. «Ах, война, что ты сделала, подлая...» Как это война подлая? Война великая! А

(Окончание на 3-й стр.)

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

МУЛКИ, Гражина и Зячек КУРОНИ...

По инициативе МИХНИКА Адама и КУРОНЕЙ на квартире у последних 16 июля состоялась встреча приглашенного МИХНИКОМ ОКУДЖАВЫ с перечисленными польскими литераторами.

В беседах с ними ОКУДЖАВА высказывал сожаления по поводу того, что его популярность в СССР в связи с отношением к нему советских властей невелика. Рассказывал также, что во время беседы в ЦК КПСС его обвинили в том, что его творчество используется вражескими центрами в антисоветской пропаганде.

МОДЗЕЛЕВСКАЯ Наталия и СТАШЕВСКИЙ Стефан заявили,

кому-то по телефону повторил. «За вами придут», — это уже мне. Хожу по предбаннику, уныло как-то, руки повисли. И вдруг спускается по лестнице молодой человек, непроницаемый такой. «Здравствуйте», — говорит, — Булат Шалвович, приветом со мной». Приятного мало, но иду. Поднимаемся на второй этаж, он нажимает кнопку лифта, дверь открывается, а никакого лифта нет, просто коридор. Заходим в одну дверь, там и сидит этот полковник Володин.

Очень вежлив со мной. Нет, думаю, арестовывать от меня не собирается. И ведет разговор о польских делах, все время заглядывая в какую-то бумажку. Одну фамилию называет, другую. Я, конечно, старался самым

лучшим образом охарактеризовать своих польских друзей. А он хитро так улыбнулся и говорит: а что хорошего, если они арестованы. Эту горькую новость я уже знал. Не сдержался: «Что арестовали их — это преступление, и скоро выпустят». «У вас что, факты какие-нибудь есть?» — спрашивает. «Фактов нет, есть интуиция, так что поверьте мне. Скоро, скоро выпустят. Дайте ваш телефон, когда это произойдет, я вам позвоню». Дал он мне телефон. И отпустил. А через несколько месяцев ребят действительно выпустили. Набрал я тот номер, прошу полковника Володина. Здесь таких нет, отвечают. Телефончик-то он мне дал фиктивный. И говорил со мной по заданию польской госбезопасности. Впрочем, что польская, что наша — одно и то же. Понимаю теперь, какая бумага перед ним лежала, видимо, эта самая, подписанная Банниковым...

Булат ОКУДЖАВА. Польша в зарубежье самая любимая моя страна. Наверное, потому, что когда меня здесь поносили, не печатали, не принимали, поляки начали издавать. Что-то совпало в их настроениях и в каких-то моих стихах. Всегда очень тепло встречали, и душа открывалась навстречу. Это как первая любовь.

А с поездкой связана такая история. Вернулся я из Варшавы, и через некоторое время зовут меня по телефону. На том конце провода представляют: «Полковник Володин из госбезопасности». И просит меня приехать. Записал адрес: улица такая-то, дом такой-то. Он говорит, давайте в понедельник. Я, конечно, растерялся и соглашаюсь, хорошо, мол, в понедельник. А он продолжает: давайте в десять утра. Тут я из протеста сказал: нет, в одиннадцать. До понедельника несколько дней, честно скажу, неспокойно было — зачем вызывают? Советовался дома, с друзьями...

В понедельник поехал, зашел в помещение, сидит дежурный офицер. Меня, говорю, вызывал полковник Володин. «Фамилия?» — спрашивает. Я назвал. Он

кому-то по телефону повторил.

«За вами придут», — это уже мне. Хожу по предбаннику, уныло как-то, руки повисли. И вдруг спускается по лестнице молодой человек, непроницаемый такой. «Здравствуйте», — говорит, — Булат Шалвович, приветом со мной». Приятного мало, но иду. Поднимаемся на второй этаж, он нажимает кнопку лифта, дверь открывается, а никакого лифта нет, просто коридор. Заходим в одну дверь, там и сидит этот полковник Володин.

Очень вежлив со мной. Нет, думаю, арестовывать от меня не собирается. И ведет разговор о польских делах, все время заглядывая в какую-то бумажку. Одну фамилию называет, другую. Я, конечно, старался самым

лучшим образом охарактеризовать своих польских друзей. А он хитро так улыбнулся и говорит: а что хорошего, если они арестованы. Эту горькую новость я уже знал. Не сдержался: «Что арестовали их — это преступление, и скоро выпустят». «У вас что, факты какие-нибудь есть?» — спрашивает. «Фактов нет, есть интуиция, так что поверьте мне. Скоро, скоро выпустят. Дайте ваш телефон, когда это произойдет, я вам позвоню». Дал он мне телефон. И отпустил. А через несколько месяцев ребят действительно выпустили. Набрал я тот номер, прошу полковника Володина. Здесь таких нет, отвечают. Телефончик-то он мне дал фиктивный. И говорил со мной по заданию польской госбезопасности. Впрочем, что польская, что наша — одно и то же. Понимаю теперь, какая бумага перед ним лежала, видимо, эта самая, подписанная Банниковым...

Булат ОКУДЖАВА. Польша в зарубежье самая любимая моя страна. Наверное, потому, что когда меня здесь поносили, не печатали, не принимали, поляки начали издавать. Что-то совпало в их настроениях и в каких-то моих стихах. Всегда очень тепло встречали, и душа открывалась навстречу. Это как первая любовь.

А с поездкой связана такая история. Вернулся я из Варшавы, и через некоторое время зовут меня по телефону. На том конце провода представляют: «Полковник Володин из госбезопасности». И просит меня приехать. Записал адрес: улица такая-то, дом такой-то. Он говорит, давайте в понедельник. Я, конечно, растерялся и соглашаюсь, хорошо, мол, в понедельник. А он продолжает: давайте в десять утра. Тут я из протеста сказал: нет, в одиннадцать. До понедельника несколько дней, честно скажу, неспокойно было — зачем вызывают? Советовался дома, с друзьями...

В понедельник поехал, зашел в помещение, сидит дежурный офицер. Меня, говорю, вызывал полковник Володин. «Фамилия?» — спрашивает. Я назвал. Он

кому-то по телефону повторил. «За вами придут», — это уже мне. Хожу по предбаннику, уныло как-то, руки повисли. И вдруг спускается по лестнице молодой человек, непроницаемый такой. «Здравствуйте», — говорит, — Булат Шалвович, приветом со мной». Приятного мало, но иду. Поднимаемся на второй этаж, он нажимает кнопку лифта, дверь открывается, а никакого лифта нет, просто коридор. Заходим в одну дверь, там и сидит этот полковник Володин.

Очень вежлив со мной. Нет, думаю, арестовывать от меня не собирается. И ведет разговор о польских делах, все время заглядывая в какую-то бумажку. Одну фамилию называет, другую. Я, конечно, старался самым

лучшим образом охарактеризовать своих польских друзей. А он хитро так улыбнулся и говорит: а что хорошего, если они арестованы. Эту горькую новость я уже знал. Не сдержался: «Что арестовали их — это преступление, и скоро выпустят». «У вас что, факты какие-нибудь есть?» — спрашивает. «Фактов нет, есть интуиция, так что поверьте мне. Скоро, скоро выпустят. Дайте ваш телефон, когда это произойдет, я вам позвоню». Дал он мне телефон. И отпустил. А через несколько месяцев ребят действительно выпустили. Набрал я тот номер, прошу полковника Володина. Здесь таких нет, отвечают. Телефончик-то он мне дал фиктивный. И говорил со мной по заданию польской госбезопасности. Впрочем, что польская, что наша — одно и то же. Понимаю теперь, какая бумага перед ним лежала, видимо, эта самая, подписанная Банниковым...

Булат ОКУДЖАВА. Польша в зарубежье самая любимая моя страна. Наверное, потому, что когда меня здесь поносили, не печатали, не принимали, поляки начали издавать. Что-то совпало в их настроениях и в каких-то моих стихах. Всегда очень тепло встречали, и душа открывалась навстречу. Это как первая любовь.

А с поездкой связана такая история. Вернулся я из Варшавы, и через некоторое время зовут меня по телефону. На том конце провода представляют: «Полковник Володин из госбезопасности». И просит меня приехать. Записал адрес: улица такая-то, дом такой-то. Он говорит, давайте в понедельник. Я, конечно, растерялся и соглашаюсь, хорошо, мол, в понедельник. А он продолжает: давайте в десять утра. Тут я из протеста сказал: нет, в одиннадцать. До понедельника несколько дней, честно скажу, неспокойно было — зачем вызывают? Советовался дома, с друзьями...

В понедельник поехал, зашел в помещение, сидит дежурный офицер. Меня, говорю, вызывал полковник Володин. «Фамилия?» — спрашивает. Я назвал. Он

кому-то по телефону повторил. «За вами придут», — это уже мне. Хожу по предбаннику, уныло как-то, руки повисли. И вдруг спускается по лестнице молодой человек, непроницаемый такой. «Здравствуйте», — говорит, — Булат Шалвович, приветом со мной». Приятного мало, но иду. Поднимаемся на второй этаж, он нажимает кнопку лифта, дверь открывается, а никакого лифта нет, просто коридор. Заходим в одну дверь, там и сидит этот полковник Володин.

кому-то по телефону повторил.

«За вами придут», — это уже мне. Хожу по предбаннику, уныло как-то, руки повисли. И вдруг спускается по лестнице молодой человек, непроницаемый такой. «Здравствуйте», — говорит, — Булат Шалвович, приветом со мной». Приятного мало, но иду. Поднимаемся на второй этаж, он нажимает кнопку лифта, дверь открывается, а никакого лифта нет, просто коридор. Заходим в одну дверь, там и сидит этот полковник Володин.

Очень вежлив со мной. Нет, думаю, арестовывать от меня не собирается. И ведет разговор о польских делах, все время заглядывая в какую-то бумажку. Одну фамилию называет, другую. Я, конечно, старался самым

лучшим образом охарактеризовать своих польских друзей. А он хитро так улыбнулся и говорит: а что хорошего, если они арестованы. Эту горькую новость я уже знал. Не сдержался: «Что арестовали их — это преступление, и скоро выпустят». «У вас что, факты какие-нибудь есть?» — спрашивает. «Фактов нет, есть интуиция, так что поверьте мне. Скоро, скоро выпустят. Дайте ваш телефон, когда это произойдет, я вам позвоню». Дал он мне телефон. И отпустил. А через несколько месяцев ребят действительно выпустили. Набрал я тот номер, прошу полковника Володина. Здесь таких нет, отвечают. Телефончик-то он мне дал фиктивный. И говорил со мной по заданию польской госбезопасности. Впрочем, что польская, что наша — одно и то же. Понимаю теперь, какая бумага перед ним лежала, видимо, эта самая, подписанная Банниковым...

Булат ОКУДЖАВА. Польша в зарубежье самая любимая моя страна. Наверное, потому, что когда меня здесь поносили, не печатали, не принимали, поляки начали издавать. Что-то совпало в их настроениях и в каких-то моих стихах. Всегда очень тепло встречали, и душа открывалась навстречу. Это как первая любовь.

А с поездкой связана такая история. Вернулся я из Варшавы, и через некоторое время зовут меня по телефону. На том конце провода представляют: «Полковник Володин из госбезопасности». И просит меня приехать. Записал адрес: улица такая-то, дом такой-то. Он говорит, давайте в понедельник. Я, конечно, растерялся и соглашаюсь, хорошо, мол, в понедельник. А он продолжает: давайте в десять утра. Тут я из протеста сказал: нет, в одиннадцать. До понедельника несколько дней, честно скажу, неспокойно было — зачем вызывают? Советовался дома, с друзьями...

В понедельник поехал, зашел в помещение, сидит дежурный офицер. Меня, говорю, вызывал полковник Володин. «Фамилия?» — спрашивает. Я назвал. Он

кому-то по телефону повторил. «За вами придут», — это уже мне. Хожу по предбаннику, уныло как-то, руки повисли. И вдруг спускается по лестнице молодой человек, непроницаемый такой. «Здравствуйте», — говорит, — Булат Шалвович, приветом со мной». Приятного мало, но иду. Поднимаемся на второй этаж, он нажимает кнопку лифта, дверь открывается, а никакого лифта нет, просто коридор. Заходим в одну дверь, там и сидит этот полковник Володин.

Очень вежлив со мной. Нет, думаю, арестовывать от меня не собирается. И ведет разговор о польских делах, все время заглядывая в какую-то бумажку. Одну фамилию называет, другую. Я, конечно, старался самым

лучшим образом охарактеризовать своих польских друзей. А он хитро так улыбнулся и говорит: а что хорошего, если они арестованы. Эту горькую новость я уже знал. Не сдержался: «Что арестовали их — это преступление, и скоро выпустят». «У вас что, факты какие-нибудь есть?» — спрашивает. «Фактов нет, есть интуиция, так что поверьте мне. Скоро, скоро выпустят. Дайте ваш телефон, когда это произойдет, я вам позвоню». Дал он мне телефон. И отпустил. А через несколько месяцев ребят действительно выпустили. Набрал я тот номер, прошу полковника Володина. Здесь таких нет, отвечают. Телефончик-то он мне дал фиктивный. И говорил со мной по заданию польской госбезопасности. Впрочем, что польская, что наша — одно и то же. Понимаю теперь, какая бумага перед ним лежала, видимо, эта самая, подписанная Банниковым...

Булат ОКУДЖАВА. Польша в зарубежье самая любимая моя страна. Наверное, потому, что когда меня здесь поносили, не печатали, не принимали, поляки начали издавать. Что-то совпало в их настроениях и в каких-то моих стихах. Всегда очень тепло встречали, и душа открывалась навстречу. Это как первая любовь.

А с поездкой связана такая история. Вернулся я из Варшавы, и через некоторое время зовут меня по телефону. На том конце провода представляют: «Полковник Володин из госбезопасности». И просит меня приехать. Записал адрес: улица такая-то, дом такой-то. Он говорит, давайте в понедельник. Я, конечно, растерялся и соглашаюсь, хорошо, мол, в понедельник. А он продолжает: давайте в десять утра. Тут я из протеста сказал: нет, в одиннадцать. До понедельника несколько дней, честно скажу, неспокойно было — зачем вызывают? Советовался дома, с друзьями...

В понедельник поехал, зашел в помещение, сидит дежурный офицер. Меня, говорю, вызывал полковник Володин. «Фамилия?» — спрашивает. Я назвал. Он

кому-то по телефону повторил. «За вами придут», — это уже мне. Хожу по предбаннику, уныло как-то, руки повисли. И вдруг спускается по лестнице молодой человек, непроницаемый такой. «Здравствуйте», — говорит, — Булат Шалвович, приветом со мной». Приятного мало, но иду. Поднимаемся на второй этаж, он нажимает кнопку лифта, дверь открывается, а никакого лифта нет, просто коридор. Заходим в одну дверь, там и сидит этот полковник Володин.

ДОКУМЕНТ ТРЕТИЙ — ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПАРТИИ

Секретно ЦК КПСС

4 июля 1972 г. Направляется справка о реаргировании члена Союза писателей СССР ОКУДЖАВЫ и лиц из его окружения на решение Партийного комитета Московского отделения Союза писателей РСФСР об исключении ОКУДЖАВЫ из членов КПСС.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ АНДРОПОВ Секретно

СПРАВКА 1 июня 1972 года Партком Московского отделения Союза писателей РСФСР принял решение об исключении из членов КПСС за антипартийное поведение поэта и прозаика

Булата ОКУДЖАВЫ. ОКУДЖАВА в беседах со своими близкими связями следующим образом высказывался по этому поводу: «Надоела мне эта возня жутко. Мне очень надеялся, что я, напуганный, соглашусь выступить в прессе. И после того, как это пробушевало, я сказал опять «нет». Видимо, такое было дано задание, что если скажет «согласен», то, значит, пощадить. Нужно было, чтобы я выступил, как выступил недавно ШАЛАМОВ. А для меня это унизи-тельно».

ОКУДЖАВА и лица из его окружения считают, что после исключения он будет испытывать затруднения с публикацией своих произведений. Он сожалееет, что не успел выпустить свой новый роман «Похоронение Шипова», а теперь это едва ли удастся сделать.

Поэты В. КОРНИЛОВ, Е. ЕВТУШЕНКО, прозаик Г. МАМЛИН, жена бывшего зам. главного редактора журнала «Дружба народов» НИКОЛАЕВА и некоторые другие выражали готовность оказать ОКУДЖАВЕ в случае необходимости материальную помощь.

ОКУДЖАВА сказал, что на ближайшие пять-шесть месяцев денег у него хватит, кроме того, он надеется подработать переводами и в кино. На договора с ним сейчас якобы никто не идет, но он пишет тексты для кино и получает за это деньги. Причем оформляется эта работа, по его словам, от имени других лиц.

Поэт-песенник Я. ШВЕДОВ, занимающийся составлением антологии советской песни, обещал ОКУДЖАВЕ включить в сборник несколько его про-

изведений. Некоторые связи ОКУДЖАВЫ, например критик З. ПАПЕРНЫЙ, выражают опасение, как бы за исключением из членов КПСС не последовало исключение из Союза писателей. Проявляется интерес к вопросу о том, какова процедура утверждения решения Парткома, намерен ли ОКУДЖАВА обжаловать это решение.

ОКУДЖАВА заявляет в своем окружении, что предпочитает каких-либо шагов не намерен, так как считает это указанием «сверху» и не хочет унижаться. Однако он полагает, что его дело будут разбирать на партийном собрании Московской писательской организации, состоя-

вшемся 6 июня с. г. На следующий день после собрания, на котором вопрос об ОКУДЖАВЕ не обсуждался, в разговоре с женой он сказал: «Было собрание, на нем меня не касались, даже не упомянули. Собрание было последнее, до осени. Теперь видишь, какая штука, страсти накалены жутко. Даже отрицательные типы... смущены и все за меня, А я как герой прихожу в клуб».

После собрания ОКУДЖАВА пришел к выводу, что его дело, по всей видимости, передадут сразу в райком.

Поддержку ОКУДЖАВЕ выражал известный своим антиобщественным поведением Л. КОПЕЛЕВ. Он сказал: «Хочу просто позвать хоть по телефону руку. Хочу крепко тебя обнимать. Главное, чтобы ты был...»

ЕВТУШЕНКО посетил квартиру ОКУДЖАВЫ, выражал ему сочувствие и написал посвященные ему стихи. В спектакль «Под кожей статуи Свободы», поставленный в театре на Таганке, он включил «Песню американского солдата» Б. ОКУДЖАВЫ. Когда после просмотра Главное управление культуры Моссовета рекомендовало исключить песню из спектакля, ЕВТУШЕНКО, якобы по согласованию с главным режиссером театра Ю. ЛЮБИМОВЫМ, написал письмо на имя Первого секретаря МКГ КПСС тов. ГРИШИНА В. В. ...

Из поступающих материалов видно, что ОКУДЖАВА в последнее время активно общается с лицами, занимающимися антиобщественной деятельностью или допускающими политически вредные и

идеологически невыдержанные поступки. В их числе Л. КОПЕЛЕВ, В. МАКСИМОВ, В. ВОЙНОВИЧ, Г. ВЛАДИМЕР, Г. ПОЖЕЯН, скульпторы Э. НЕИЗВЕСТНЫЙ и В. СИДУР.

В той или иной форме сочувствие ОКУДЖАВЕ выразили члены Союза писателей И. ГОФФ, Е. ХРАМОВ, Ф. СВЕДОВ, О. ЧАЙКОВСКАЯ, Г. МАМЛИН, В. АКСЕНОВ, Ю. СЕМЕНОВ, Б. ЗАХОДЕР, К. ВАНШЕНКИН, П. ВЕГИН, Н. АТАРОВ, Б. БАЛТЕР, В. САВЕЛЬЕВ, художники Ю. ВАСИЛЬЕВ и Е. БАЧУРИН и некоторые другие.

Интерес к ОКУДЖАВЕ проявляла жена корреспондента газеты «Унига» в Москве БЕ-НЕДЕТТИ, которая приглашала его к себе на квартиру, чтобы показать некоторые книги ОКУДЖАВЫ, изданные в Италии.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР БОБКОВ.

Булат ОКУДЖАВА. Тут надо вернуться лет на десять назад. Тогда в издательстве «Посев» вышел сборник моих стихов. Нет, не новых, все они раньше были напечатаны в разных изданиях в Союзе. Но там было предисловие, где автор среди прочего написал: коммунисты обманули мальчиков, отравили их воевать, а сами отсиживались в тылу. Фраза не просто неудачная, несправедливая. И я об этом автору, когда встретился с ним за рубежом, сказал: неправда, коммунисты тоже воевали.

Поговорили об этом в то время и забыли. И вдруг выплыло через десять лет. Начались очередные поиски врагов. Умели у нас это делать партийные руководители. Им для успешной карьеры надо было не талант открыть, не Моцарта отыскать, а новый заговор. В общем, редадут сразу в райком.

Поддержку ОКУДЖАВЕ выражал известный своим антиобщественным поведением Л. КОПЕЛЕВ. Он сказал: «Хочу просто позвать хоть по телефону руку. Хочу крепко тебя обнимать. Главное, чтобы ты был...»

ЕВТУШЕНКО посетил квартиру ОКУДЖАВЫ, выражал ему сочувствие и написал посвященные ему стихи. В спектакль «Под кожей статуи Свободы», поставленный в театре на Таганке, он включил «Песню американского солдата» Б. ОКУДЖАВЫ. Когда после просмотра Главное управление культуры Моссовета рекомендовало исключить песню из спектакля, ЕВТУШЕНКО, якобы по согласованию с главным режиссером театра Ю. ЛЮБИМОВЫМ, написал письмо на имя Первого секретаря МКГ КПСС тов. ГРИШИНА В. В. ...

Из поступающих материалов видно, что ОКУДЖАВА в последнее время активно общается с лицами, занимающимися антиобщественной деятельностью или допускающими политически вредные и

идеологически невыдержанные поступки. В их числе Л. КОПЕЛЕВ, В. МАКСИМОВ, В. ВОЙНОВИЧ, Г. ВЛАДИМЕР, Г. ПОЖЕЯН, скульпторы Э. НЕИЗВЕСТНЫЙ и В. СИДУР.

В той или иной форме сочувствие ОКУДЖАВЕ выразили члены Союза писателей И. ГОФФ, Е. ХРАМОВ, Ф. СВЕДОВ, О. ЧАЙКОВСКАЯ, Г. МАМЛИН, В. АКСЕНОВ, Ю. СЕМЕНОВ, Б. ЗАХОДЕР, К. ВАНШЕНКИН, П. ВЕГИН, Н. АТАРОВ, Б. БАЛТЕР, В. САВЕЛЬЕВ, художники Ю. ВАСИЛЬЕВ и Е. БАЧУРИН и некоторые другие.

Интерес к ОКУДЖАВЕ проявляла жена корреспондента газеты «Унига» в Москве БЕ-НЕДЕТТИ, которая приглашала его к себе на квартиру, чтобы показать некоторые книги ОКУДЖАВЫ, изданные в Ита-

лии.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР БОБКОВ.

Булат ОКУДЖАВА. Тут надо вернуться лет на десять назад. Тогда в издательстве «Посев» вышел сборник моих стихов. Нет, не новых, все они раньше были напечатаны в разных изданиях в Союзе. Но там было предисловие, где автор среди прочего написал: коммунисты обманули мальчиков, отравили их воевать, а сами отсиживались в тылу. Фраза не просто неудачная, несправедливая. И я об этом автору, когда встретился с ним за рубежом, сказал: неправда, коммунисты тоже воевали.

Поговорили об этом в то время и забыли. И вдруг выплыло через десять лет. Начались очередные поиски врагов. Умели у нас это делать партийные руководители. Им для успешной карьеры надо было не талант открыть, не Моцарта отыскать, а новый заговор. В общем, редадут сразу в райком.

Поддержку ОКУДЖАВЕ выражал известный своим антиобщественным поведением Л. КОПЕЛЕВ. Он сказал: «Хочу просто позвать хоть по телефону руку. Хочу крепко тебя обнимать. Главное, чтобы ты был...»

ЕВТУШЕНКО посетил квартиру ОКУДЖАВЫ, выражал ему сочувствие и написал посвященные ему стихи. В спектакль «Под кожей статуи Свободы», поставленный в театре на Таганке, он включил «Песню американского солдата» Б. ОКУДЖАВЫ. Когда после просмотра Главное управление культуры Моссовета рекомендовало исключить песню из спектакля, ЕВТУШЕНКО, якобы по согласованию с главным режиссером театра Ю. ЛЮБИМОВЫМ, написал письмо на имя Первого секретаря МКГ КПСС тов. ГРИШИНА В. В. ...

Из поступающих материалов видно, что ОКУДЖАВА в последнее время активно общается с лицами, занимающимися антиобщественной деятельностью или допускающими политически вредные и

идеологически невыдержанные поступки. В их числе Л. КОПЕЛЕВ, В. МАКСИМОВ, В. ВОЙНОВИЧ, Г. ВЛАДИМЕР, Г. ПОЖЕЯН, скульпторы Э. НЕИЗВЕСТНЫЙ и В. СИДУР.

В той или иной форме сочувствие ОКУДЖАВЕ выразили члены Союза писателей И. ГОФФ, Е. ХРАМОВ, Ф. СВЕДОВ, О. ЧАЙКОВСКАЯ, Г. МАМЛИН, В. АКСЕНОВ, Ю. СЕМЕНОВ, Б. ЗАХОДЕР, К. ВАНШЕНКИН, П. ВЕГИН, Н. АТАРОВ, Б. БАЛТЕР, В. САВЕЛЬЕВ, художники Ю. ВАСИЛЬЕВ и Е. БАЧУРИН и некоторые другие.

Интерес к ОКУДЖАВЕ проявляла жена корреспондента газеты «Унига» в Москве БЕ-НЕДЕТТИ, которая приглашала его к себе на квартиру, чтобы показать некоторые книги ОКУДЖАВЫ, изданные в Ита-

лии.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР БОБКОВ.

Булат ОКУДЖАВА. Тут надо вернуться лет на десять назад. Тогда в издательстве «Посев» вышел сборник моих стихов. Нет, не новых, все они раньше были напечатаны в разных изданиях в Союзе. Но там было предисловие, где автор среди прочего написал: коммунисты обманули мальчиков, отравили их воевать, а сами отсиживались в тылу. Фраза не просто неудачная, несправедливая. И я об этом автору, когда встретился с ним за рубежом, сказал: неправда, коммунисты тоже воевали.

Поговорили об этом в то время и забыли. И вдруг выплыло через десять лет. Начались очередные поиски врагов. Умели у нас это делать партийные руководители. Им для успешной карьеры надо было не талант открыть, не Моцарта отыскать, а новый заговор. В общем, редадут сразу в райком.

Поддержку ОКУДЖАВЕ выражал известный своим антиобщественным поведением Л. КОПЕЛЕВ. Он сказал: «Хочу просто позвать хоть по телефону руку. Хочу крепко тебя обнимать. Главное, чтобы ты был...»

ЕВТУШЕНКО посетил квартиру ОКУДЖАВЫ, выражал ему сочувствие и написал посвященные ему стихи. В спектакль «Под кожей статуи Свободы», поставленный в театре на Таганке, он включил «Песню американского солдата» Б. ОКУДЖАВЫ. Когда после просмотра Главное управление культуры Моссовета рекомендовало исключить песню из спектакля, ЕВТУШЕНКО, якобы по согласованию с главным режиссером театра Ю. ЛЮБИМОВЫМ, написал письмо на имя Первого секретаря МКГ КПСС тов. ГРИШИНА В. В. ...

Из поступающих материалов видно, что ОКУДЖАВА в последнее время активно общается с лицами, занимающимися антиобщественной деятельностью или допускающими политически вредные и

идеологически невыдержанные поступки. В их числе Л. КОПЕЛЕВ, В. МАКСИМОВ, В. ВОЙНОВИЧ, Г. ВЛАДИМЕР, Г. ПОЖЕЯН, скульпторы Э. НЕИЗВЕСТНЫЙ и В. СИДУР.

В той или иной форме сочувствие ОКУДЖАВЕ выразили члены Союза писателей И. ГОФФ, Е. ХРАМОВ, Ф. СВЕДОВ, О. ЧАЙКОВСКАЯ, Г. МАМЛИН, В. АКСЕНОВ, Ю. СЕМЕНОВ, Б. ЗАХОДЕР, К. ВАНШЕНКИН, П. ВЕГИН, Н. АТАРОВ, Б. БАЛТЕР, В. САВЕЛЬЕВ, художники Ю. ВАСИЛЬЕВ и Е. БАЧУРИН и некоторые другие.

Интерес к ОКУДЖАВЕ проявляла жена корреспонд